

АЛЕКСЕЙ ДЕКТЕРЁВ

Проза чеховской ЭПОХИ

П Р О З А

18+

Алексей Дектерёв

Проза чеховской эпохи

«Автор»

2026

Дектерёв А. Ю.

Проза чеховской эпохи / А. Ю. Дектерёв — «Автор», 2026

Пять рассказов, стилизованных под русскую прозу конца XIX века: путевой очерк о народе айнов, курьёз в литературном клубе, соседка и фамилия, что решает судьбу. Ирония и грусть чеховской интонации — о нравах, которые с тех пор не так уж изменились. Есть взрослые темы — 18+.

© Дектерёв А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Айно	6
На Адриатике	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алексей Дектерёв

Проза чеховской эпохи

Проза чеховской эпохи

Проза

Алексей Дектерёв

Айно

В конце XIX века, когда Антон Павлович Чехов совершал своё путешествие на Сахалин, он столкнулся с удивительным народом — айнами. В своих записках он приводит свидетельство Н. В. Буссе:

«Вечером пришел ко мне пьяный аин, известный мне как большой пьяница. Он привел с собою свою жену, и сколько я мог понять, с целью пожертвовать верностью ее супружескому ложу и тем выманить у меня хорошие подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалась, готова была помочь своему мужу, но я подавал вид, что не понимаю их объяснений... Выйдя из дому моего, муж и жена без церемонии перед моим окошком и в виду часового отдали долг природе. Вообще аинка эта не показывала большого женского стыда. Грудь ее почти не были закрыты ничем. Аинки носят такое же платье, как и мужчины, то есть несколько распашных коротких халатов, низко перепоясанных кушаком. Рубашек и нижнего платья они не имеют и потому малейший беспорядок в их платье выказывает все скрытые прелести»

Долгое время эта история воспринималась как пример «дикости» и «отсталости» коренных народов. Однако современная наука раскрыла истинный смысл подобных обычаев.

Как объясняет антрополог Станислав Дробышевский:

«В северных народах когда они свою жену отдают любому встречному поперечному, для увеличения разнообразия генетического у индейцев тоже самое было у эскимосов тоже самое было у кого угодно. У таких племен которые живут в крайне не населенной местности где все заведомо родственники на тысячу километров это нормально иначе они тупо вырождаются все»

Айны, как и многие другие северные народы — эскимосы, некоторые группы индейцев — жили в суровых условиях, где на сотни километров вокруг могли проживать только близкие родственники. Без притока «свежей крови» популяция рисковала деградировать из-за инбридинга.

То, что европейцам казалось безнравственным, для этих народов было вопросом выживания целого этноса. Это заставляет задуматься о том, как часто мы судим о других культурах через призму собственных предубеждений, не пытаюсь понять истинные причины их обычаев.

Вот вариант сильной концовки, вызывающей катарсис:

Сегодня айны — исчезающий народ. Их осталось менее 25 000 человек, и лишь единицы говорят на родном языке. Обычаи, которые веками помогали им выживать в суровых условиях, ушли в прошлое.

Но, возможно, именно сейчас мы как никогда нуждаемся в мудрости этого древнего народа. В мире, где границы стираются, а человечество сталкивается с глобальными вызовами, нам стоит вспомнить о важности генетического разнообразия и открытости к «чужакам».

Может быть, если бы мы раньше научились понимать и ценить чужие культуры, а не судить их по своим меркам, сегодня айны не стояли бы на грани исчезновения. И кто знает, какие ещё уроки выживания и адаптации мы могли бы у них почерпнуть.

Эта история — не просто страница из прошлого. Это напоминание о том, как важно смотреть глубже, искать истинные причины явлений и быть открытыми к иным способам мышления. Ведь только так мы сможем найти ответы на вызовы будущего и сохранить богатство человеческого разнообразия для грядущих поколений.

На Адриатике

I

Ирочка, дочь дворянина, недавно кончившая курс в институте и считавшаяся, пожалуй, лучшей партией черноморского побережья 1888 года, была захвачена хандрой и сенною лихорадкой на пыльцу.

В Кислокифирске она прожила полтора года, и эти полтора года показались ей за год и семь, а то и за восемь месяцев. Утром нарзан, в полдень молочное и фрукты, вечером чай со сдобными булками; терраса, оркестр, молодые офицеры, стихи поручика Кратовского, который читал их так, точно проглотил свисток и теперь старался отдышаться. Местный доктор в золотом пенсне с козлячьей бородкой, ощупав её белое, пыжащее здоровьем тело и не найдя даже укуса клопа, растерянно пожимал плечами.

По ночам Ирочка плакала в подушку и сама не знала отчего. Должно быть, оттого, что было тепло, что в саду пахло магнолиями и что в письмах подругам она писала уже в десятый раз одно и то же:

— Я гибну. Я гибну от безделья и от Кратовского.

Ящик с акварельными красками, привезённый из Москвы, она ни разу не открывала. Один раз только достала кисть, пахнувшую белкой и сургучом, посмотрела на неё, как на чужую вещь, и положила обратно.

И в одно прекрасное утро, когда она шла по обыкновению к ювелирной лавке в новой шляпке с лиловыми лентами, ей навстречу из аллеи выкатила коляска: Екатерина Михайловна Титова с дочерью.

— Ирочка! Душенька! Какими судьбами?

— Катя!.. Катя, спаси меня.

— От чего?

— От Кратовского. От нарзана. От курсовских танцев. Я задыхаюсь.

Екатерина Михайловна засмеялась.

— А мы с Лидочкой едем на Адриатику. В Сербию. Послезавтра. Хочешь — поедem втроём?

Ирочка прижала руки к груди и сказала, что это судьба. И точно, через три дня они уже сидели в спальном вагоне и ехали через Тифлис, через Одессу, через какие-то ещё города, которых Ирочка не запомнила. В дороге она писала длинные письма знакомым и даже рыжему юнкеру, который сначала всё хихикал над нею, а потом, повзрослев, стал краснеть, когда видел её в стареньком греческом храме на службе.

II

И вот он Тиват, или, как его называют местные, Шму.

Отель стоял у самого моря. Из окон видно было, как по плоской воде ходили рыбацьи лодки с косыми парусами, и как по утрам на берегу греки или, может быть, итальянцы — Ирочка их различала плохо — раскладывали что-то жёлтое на сетях, похожее на то что подавали на обед. Купаться было ещё нельзя: вода стояла холодная, апрельская. Зато можно было лежать в плетёных креслах под полосатыми навесами, читать французские романы давно умершего автора и пить кофе, который подавал турецкий лакей в белой куртке и красной шапке с кисточкой, кланяясь так низко, что у Ирочки от удовольствия немного кружилась голова.

Обедали обычно в большом зале, где играл струнный квартет из трёх человек, потому что на Балканах три — это квадро, а восьмёрка — осмица, варвары же. Из всех кушаний подавали то, что Екатерина Михайловна называла устрицами, а Лидочка — мидиями. На самом деле никто из них не знал наверное, что это такое. Это было серое, мягкое, пахло морем и пода-

валось в раковинах с лимоном и белым вином. После третьего бокала Ирочка обыкновенно говорила:

— Друзья, как просто и как прекрасно жить.

И прибавляла, что в Кислокифирске она сошла бы с ума. От жары, запаха персидского порошка и от той некрасиво уродливой луны над горами.

Отель был полон сизых англичан, чопорных и розовых, как поросята, немцев, армян, евших с аппетитом несколько печальным, и русских, говоривших по-французски с таким старанием, точно от каждой произнесённой фразы зависело их жалованье. Ирочка надевала по утрам шляпку из итальянской соломы с маками и отправлялась гулять по набережной. Эту шляпку она выписала из Блуа за двадцать восемь франков и считала, что в ней у неё особенное выражение лица. Именно эта шляпка и была действительной причиной поездки на Балканы, но это был секрет даже для её хозяйки.

III

Однажды, уговорив Екатерину оставить Лидочку в номере с не то мидиями, не то устрицами и вином, Ирочка устроила набег на ювелирную лавку, где скупилась всё на двести рублей, так что усатый серб-ювелирщик до того был рад этому пятилетнему доходу за один день, что уехал к маме в Болгарию навсегда.

После удачного рейда по ювелирным лавкам Ирочка отправилась уже одна в Подгорицу выгуливать кольцо с брильянтом размером с кулак снегиря. Город этот показался ей варварским. По узким улицам бродили мужики в накиннутых на одно плечо плащах, с рукоятками за поясами; на площади пахло серой, мятой, табаком и тлёт; под чахлым платаном сидели старики и молча смотрели на проходящих, как смотрят волы. Лиловая лента шляпки развеивалась на ветру, и старики, не моргая, поворачивали за нею свои сербские головы.

Ближе к полудню Ирочка вообразила себе, что она проголодалась. На углу она увидела два заведения, стоявшие рядом: одно со столиками, выставленными прямо на тротуар и накрытыми клетчатými скатертями; другое с тёмными окнами и тяжёлою дверью, над которой висела какая-то надпись с понятными буквами, но непонятным словом. Подумав, она выбрала второе, потому что у двери стояли две кадки с олеандрами, а олеандры, по мнению Ирочки, обещали хорошую кухню. Играла балканская скрипка, похожая на домру, было солнечно, и хотелось мороженого и слушать эту домраскрипку вечно.

Внутри ресторации было сумрачно, пахло жареным луком и кислятиной. За столами сидело человек двадцать мужчин — чёрных, бородатых, с такими тяжёлыми руками и взглядами, что Ирочка невольно вспомнила картинки из «Нивы», изображающие дикарей. Все одновременно посмотрели на её шляпку и замолчали. Один даже перестал жевать и что-то сказал по-сербски.

Она села за дальний от мужчин столик. К ней подошёл лакей — пузатый, с рыжими бакенбардами, в когда-то белой рубаше, на которой посередине пуза пуговица была так натянута, что, казалось, вот-вот сорвётся и кого-нибудь убьёт. Он остановился молча.

— Мороженое, человек, — сказала Ирочка, мило улыбнувшись, — и кофий.

Лакей насупил брови.

— Здесь еда, — отвечал он на ломаном русском, — а не мороженое и коф. Мороженое и коф — там.

И, не глядя более на неё, ткнул толстым пальцем в сторону соседнего заведения. В первое мгновение Ирочке показалось, что всё это шутка и сейчас все засмеются. Но никто не смеялся. Мужики молча смотрели. Лакей стоял. Пуговица на его животе натянулась и казалось сейчас сорвется.

В груди у Ирочки сделалось пусто; веер в её руке затрещал сильнее обыкновенного, потом совсем сложился, потом она увидела, как лакей и пуговица его, и олеандры, и лиловая лента —

всё уплыло куда-то в сторону, кружась, и под этим кружением рушилось разом и оконченное институтское образование, и скучные романы, и стихи Кратовского, и сама Ирочка.

Очнулась она на тротуаре. Пожилой черноглазый господин с маленькими бачками брызгал ей на лицо водой из рта, набранной из графина, а другой, постарше, в расстёгнутом сюртуке, говорил с сильным гортанным выговором:

— Ничего, барынька, ничего. У нас в Нор-Нахичевани и не такое бывает. Подышите.

Это были, как выяснилось, армяне из Ростова, приехавшие в Подгорицу по торговым делам. Они посадили её на извозчика, заплатили извозчику и долго ещё кланялись вслед, прижимая шляпы к груди.

Ах эта Адриатика.

Вечером дочь Екатерины, Лидочка, в количестве одной штуки, ушла, как обыкновенно, с местными мальчишками на берег заворачивать камни в медуз и швырять их о скалы; Ирочка же, оставшись с Екатериною Михайловной вдвоём, всё рассказывала о происшествии и плакала и смеялась поочерёдно, а брошка на её груди то поднималась, то опускалась, точно сербская рыбацкая лодка среди волн залива.

— Катя, ты понимаешь? Прислуга! Мне! В лицо! «Здесь еда, а не мороженое»! Это какие-то башибузуки, а не люди. И как я страдала, как невыносимо пошлы были для меня слова этого человека, хотя, надо сделать ему справедливость, для серба он был даже ничего.

— А ты не ходи туда, где башибузуки, — сказала Екатерина Михайловна и налила ей сертерской в половинку раковины мидии.

Ирочка выпила и согласилась, что не пойдёт. Но сама подумала, что в этой стране, в которой по словам поручика Кратовского так много диких енотов, всё-таки нет порядка и свободы, и барыням говорят в таком тоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.